

Оглавление

Предисловие.....	7
Глава 1. Вожди — любимые и великие.....	13
<i>Священные значки</i>	13
<i>Что в имени тебе?</i>	18
<i>Имена Бога земного</i>	22
<i>Страна статуй</i>	28
<i>«Отлитое в граните»</i>	34
<i>Высеченное в камне</i>	37
<i>Листок из книги отца</i>	41
<i>Музеи заслуг</i>	45
<i>Большая картина</i>	48
<i>Учимся быть верными солдатами Вождя и Полководца</i>	55
<i>Фамильные деревья Семьи Ким</i>	62
<i>Три Кима и их народ</i>	65
Глава 2. В эпоху пропаганды.....	73
<i>«Жить по-нашему», или Рождение Чучхе</i>	73
<i>В стране митингов и собраний</i>	79
<i>Самокритика</i>	85
<i>Великие песня и танец</i>	89
<i>Создание политически правильной древней истории</i>	93
<i>Дни радио</i>	100
<i>Проводное радио</i>	106
<i>«Нодон синмун», голос Партии</i>	109
<i>Телевизор в каждый дом</i>	114
<i>В эфире новости</i>	119
Глава 3. Экономика старая, государственно-социалистическая	123
<i>Деньги особого сорта</i>	123
<i>От зарплаты до зряплаты</i>	128
<i>Карточки как норма</i>	132
<i>Маленькие номенклатурные радости</i>	142
Глава 4. Экономика новая, рыночно-капиталистическая.....	147
<i>Великий голод</i>	147
<i>На рынок, на рынок</i>	153
<i>На самой грани (денежная реформа 2009 года)</i>	160
<i>Реформы без открытости</i>	170

	«Корабли-призраки»	175
	Хозяйка трепангов	182
	Холодильники и веерные отключения	185
	Времена репетиторов	196
	Маленькие буржуазные радости	200
	Как «Трудный поход» создал рынок северокорейского антиквариата	205
	История г-на Пака, северокорейского предпринимателя	210
	Черное золото Северной Кореи: угольные короли КНДР	214
Глава 5.	Общество под наблюдением	218
	Меньше знаешь — крепче спишь	218
	Немного иностранной жизни	224
	Сияние «Красной звезды» (компьютеры в Северной Корее)	232
	Тетушки рулят	237
	Кто стучится в дверь ко мне?	244
	Документики предъявите	248
	Сел и поехал	250
Глава 6.	Как устроено северокорейское общество	256
	Система рангов	256
	Семейная традиция	262
	На казарменном положении — надолго!	268
	Здоровый тоталитаризм	271
	Руководящая и направляющая	277
	Женское дело	280
	Вузы великие и не очень	286
Глава 7.	О слабостях и пороках	290
	Чего-нибудь покрепче	290
	Наркотики — частные и государственные	294
	Дурная привычка северян	300
	Преступность и другие неприятности	304
Глава 8.	Все, что движется	308
	«Я буду долго гнать велосипед...»	308
	Колесный парк	313
	Много дыма, мало мощности	318
	Крепче за баранку держись, шофер	322
	Скромные крылья Родины	324
	По железной дороге, где мчит курьерский	327
	Мраморные подземелья	333
	У трамвая судьба — кольцо	337
	Ностальгия по троллейбусу	340

Глава 9. Пхеньян и жизнь городская	344
<i>Преращение в столицу</i>	344
<i>«И сказали они: построим себе город и башню, высотой до небес...»</i>	347
<i>Этажи Пхеньяна</i>	351
<i>Г-н Со, шабашник с далеко идущими планами</i>	356
<i>Высокая кухня по-кимирсеновски</i>	361
Глава 10. Дела житейские	369
<i>Связь: начало новой эпохи?</i>	369
<i>Пусть безобразно, зато единообразно</i>	376
<i>За модой — мода</i>	379
<i>Время праздновать</i>	386
<i>Слово — и дело — Божье</i>	392
Глава 11. Дела семейные и личные	402
<i>Любовь и пропаганда</i>	402
<i>Брачные предания</i>	407
<i>Главное событие</i>	410
<i>Женская доля</i>	414
<i>Женщины в верхах</i>	419
<i>Демографические повороты</i>	424
Глава 12. Корейцы за границей, иностранцы в Корее	429
<i>Международные отношения</i>	429
<i>И вместо листьев денежки засеребрятся там...</i>	437
<i>За длинным российским рублем</i>	443
<i>Г-жа Ван и любопытный случай из жизни китайских граждан в Северной Корее</i>	453
<i>Основы киднеппинга</i>	457
Глава 13. Беженцы, мигранты, перебежчики	464
<i>С того на этот берег</i>	464
<i>История побегов</i>	475
<i>Северокорейские беженцы в Южной Корее — кто они и как им живется</i>	486
<i>Всё снова под контролем?</i>	491
<i>Не только с Севера на Юг</i>	498
Вместо послесловия	504
<i>Грядущие годы таятся во мгле...</i>	504

Предисловие

Впервые попав в Северную Корею — а случилось это в один солнечный день 10 сентября 1984 года, — я оказался в некотором недоумении. Я тогда приехал в Пхеньян учиться в Университет Ким Ир Сена по программе студенческого обмена между тогдашним СССР и КНДР. Это было первая в моей жизни зарубежная поездка, и те, кто помнит советские времена, понимают, что тогда значила первая «загранка» для 20-летнего парня из самой обычной семьи. Однако приехал я в Пхеньян со своим «ментальным багажом» — и в первые же дни стало ясно, что дела там обстоят во многом не так, как я предполагал и как мне говорили перед отъездом.

Я прекрасно понимал, что оказался, пожалуй, в самой жесткой диктатуре мира. Советский Союз поздних брежневских времен, то есть моя Родина, вовсе не был демократической страной, но его жители тогда более или менее поголовно считали Северную Корею воплощением неэффективности и переходящего все мыслимые границы культа личности. Так думали далеко не только — и даже не столько — диссиденты: в коридорах здания ЦК на Старой площади к Северной Корее относились примерно так же. Даже в советских газетах порой проскальзывали намеки

(разумеется, осторожные и санкционированные той же Старой площадью) на то, что в КНДР дела обстоят, скажем так, не самым лучшим образом.

Однако в те солнечные сентябрьские дни 1984 года я не увидел признаков террора и репрессий. Северная Корея совсем не походила на оживший кошмар из книг Оруэлла. Красивые женщины, одетые скромно, но мило и со вкусом, очаровательно улыбались. Важные чиновники и мелкие бюрократы в неизменных френчах спешили в свои департаменты. Старушки гуляли по улицам с внуками и внучками. Студенты и школьники шли на занятия. Короче говоря, все выглядело совершенно нормально — за некоторым исключением в виде, например, почти истеричных лозунгов, которые неслись из динамиков, что были почти на каждом столбе, да вездесущих солдат с автоматами Калашникова (впрочем, и эти солдаты не выглядели особо угрожающе). Казалось, что вокруг меня идет совершенно нормальная жизнь, и именно эта нормальность происходящего вокруг никак не соответствовала моим ожиданиям.

Жизнь Северной Кореи и была нормальной. По молодости своей я не понимал тогда одну простую истину: даже в самых репрессивных режимах подавляющее большинство людей все равно стараются жить нормальной жизнью — и в целом это у них обычно получается. В этой нормальной жизни есть работа и отдых, любовь и дружба, и в ней остается не так много места для политики. Безусловно, в 1984 году в Северной Корее происходило много неприятного, но и репрессии, и истерическая пропаганда, и многое другое составляли лишь относительно небольшую часть повседневной жизни страны.

В последние пару десятилетий о КНДР много говорят в СМИ. Пожалуй, о ней говорят даже больше, чем она того заслуживает: в конце концов, Северная Корея — это всего

лишь небольшая и слабо развитая страна, которая, несмотря на наличие ядерного оружия, по таким ключевым показателям, как численность населения и объем ВВП, не слишком отличается от Мозамбика или Ганы. Столь гипертрофированным вниманием к себе КНДР обязана двум обстоятельствам: во-первых, ядерно-дипломатическим играм, в ведении которых пхеньянские дипломаты изрядно поднаторели; а во-вторых — самому факту выживания режима Семьи Ким, который в современном мире кажется на первый взгляд таким живым ископаемым.

Сохранение де-факто монархического режима Кимов действительно кажется чудом, но оно обусловлено самим устройством северокорейского общества. Десятилетиями, с конца 1950-х и до начала 1990-х годов, Северная Корея оставалась самым совершенным, самым «химически чистым» в мире образцом сталинистского общества. Сталин правил СССР всего 25 лет, а династия Ким правит Северной Кореей почти 75 лет, из которых по крайней мере 35–40 лет между 1955 и 1994 годами были временем «зрелого сталинизма». Правда, за последние 25–30 лет ситуация изменилась радикально. Вопреки распространенным представлениям, сегодня Северную Корею уже нельзя назвать «сталинистской страной», хотя жесткий административно-полицейский контроль за населением и политика самоизоляции продолжают существовать, обеспечивая режиму немалый запас прочности.

Северная Корея увлекла меня с первого же знакомства, и я изучаю эту страну уже 35 лет, еще со времен, когда мир уделял ей меньше внимания, чем Мозамбику. Помимо чисто академических публикаций по ранней истории Северной Кореи я также писал колонки для газеты *Korea Times*, англоязычной ежедневной газеты в Сеуле, и эти колонки стали основой для первоначального варианта книги, которую вы держите в руках. Книга вышла на английском в 2007 году,

потом появились японское и китайское (тайваньское) издания, а в 2018 году речь зашла об издании русском. Однако, ознакомившись с русским переводом, который с исключительным профессионализмом сделал Александр Соловьев, я понял, что публиковать в 2019 году книгу, написанную в 2000–2005 годах, просто нельзя. Во-первых, слишком многое изменилось в Северной Корее за это время, во-вторых, много нового стало известно об этой стране в последние годы, и в-третьих, ко многому я сам стал относиться иначе. В результате этот перевод был переработан, и в русском издании от оригинального английского текста едва ли осталась половина. Примерно треть старого текста была удалена — в основном за счет разделов, которые посвящены вторичным темам. Вместо этого в русский текст были включены дополнительные разделы, а та часть текста, которая осталась от английского варианта, была значительно изменена. Так что фактически перед вами, уважаемые читатели, новая книга.

Представляя книгу, я начну с перечисления того, о чем в ней речь не пойдет. Речь здесь не пойдет о международной политике, поскольку об этом много пишут другие. Речь не пойдет о том, что происходит в «коридорах власти» в Пхеньяне. Наконец — и это главное, — книга не о ядерной проблеме, которая подробно обсуждается в бесчисленных публикациях, легко доступных в нашу сетевую эпоху. В первую очередь эта книга посвящена повседневному миру, который создали и в котором живут северокорейцы, — тому, как он выглядел при Ким Ир Сене, то есть до начала 1990-х, и тому, как он выглядит сейчас. Некоторые черты этого мира причудливы и неповторимы, некоторые знакомы нам по опыту СССР, Китая и других стран, а некоторые, скажем так, «нормальны». Этот мир создан, главным образом, самими северокорейцами и отражает их собственные идеалы

и ценности, многие из которых нам могут быть чужды или даже неприятны. В любом случае это единственный мир, который они знают, так что опыт и ценности, присущие этому миру, влияют на все, включая и то, как северокорейские дипломаты ведут переговоры, и то, почему Пхеньян решил обзавестись ядерным оружием.

КНДР вовсе не край, населенный боевыми киборгами, пусть даже руководство страны, исходя из своих соображений, время от времени пытается представить зарубежной аудитории именно такой образ Северной Кореи. С другой стороны, это и не рай, полный улыбающихся рабочих, счастливых пейзажей и радостных детей, единственной заботой которых являются успехи в труде и учебе. Эта книга рассказывает о северокорейском обществе, его нравах и принятых в нем нормах. Я остановлюсь на мелочах, от железнодорожных билетов до особенностей радиовещания, а также на вещах более существенных, вроде системы распределения продуктов питания в северокорейских городах. Книга расскажет, как северокорейская система воспринимается изнутри и как она функционирует в обычном режиме. В книге также подробно рассматриваются те глубокие изменения, что произошли в Северной Корее за последнюю четверть века.

Сегодня мы знаем о КНДР гораздо больше, чем знали когда-либо с начала 1960-х годов, то есть с того момента, когда Ким Ир Сен, уйдя из-под советского влияния, установил в стране жесткий режим самоизоляции. Свою роль играют и беженцы из КНДР, находящиеся в Южной Корее и Китае, и иногда готовые к неофициальным контактам официальные представители КНДР в третьих странах, и активность иностранных НКО и гуманитарных организаций на Севере. Северная Корея, несмотря на царящий там культ секретности, во многом перестала быть «черным ящиком», причем касается это в первую очередь именно

вопросов северокорейской повседневности. Мы по-прежнему плохо знаем тайную жизнь ЦК, но вот жизнь рынка, завода или больницы для исследователей тайной перестала быть уже давно. В работе над этой книгой мне помогали многие. Особо я бы хотел поблагодарить Федора Тертицкого, Ё Хён-чжуна и Александра Соловьева, которые оказали мне неоценимую помощь при подготовке радикально переработанного русского варианта книги. Моя отдельная благодарность Евгению Штефану, который тщательно прочел окончательный вариант рукописи и во многом его отредактировал.

И в заключение несколько слов о транскрипции. В тексте книги большинство терминов будет передаваться в соответствии с нормами упрощенной транскрипции Холодовича. Географические термины записываются так, как они записаны на русскоязычных картах, то есть по правилам транскрипции Холодовича — Концевича, которая, как знают специалисты, отличается от транскрипции Холодовича использованием «дж» вместо «чж». Корейские личные имена записываются в два слова: сначала — фамилия, потом, после пробела, имя (которое у большинства корейцев состоит из двух слогов, записываемых мною через дефис). Исключение делается для тех лиц, имена которых широко известны и часто упоминаются в нашей печати, включая, например, всех трех северокорейских руководителей. Эти имена записываются так, как издавна принято в российских газетах, — в три отдельных слова.

Глава 1

Вожди – любимые и великие...

Священные значки

В 1980-е на улицах моего родного Ленинграда порой встречались студенты из Северной Кореи. Спутать их с китайцами или, скажем, с многочисленными в те годы вьетнамцами было невозможно по одной простой причине: все северо-корейские студенты постоянно носили на груди значок с портретом Ким Ир Сена. Впрочем, большинство советских граждан тогда считали этих странных азиатов китайцами, будучи в полной уверенности, что на нагрудном значке у аккуратно и «правильно» одетого азиата изображен Председатель КНР Мао Цзэдун. Однако ленинградцы и москвичи 1980-х заблуждались: даже в те дни, когда в Китае культ Мао достиг совершенно безумных масштабов, китайцы не обязаны были носить значки с портретом «великого кормчего». Однако то, что было невозможно в Китае при Мао, было вполне возможно в Северной Корее при Киме. Культ личности Ким Ир Сена в Северной Корее был исключительным по интенсивности, намного превосходя и культ Мао, и культ Сталина, с которых он изначально во многом копировался. На это были свои причины: Ким правил страной

почти полвека, то есть много дольше, чем Мао или Сталин, а потом еще и передал власть по наследству. Свою роль сыграло и то, что страна, в которой правил Великий Вождь, была гораздо меньше и, скажем так, однороднее, так что ее было проще контролировать.

Традиция поголовного и обязательного ношения значков с портретом Ким Ир Сена уникальна — ничего подобного в мире не было нигде и никогда. Значки стали обязательным атрибутом северокорейцев в начале 1970-х, когда культ Великого Вождя достиг своего апогея. В 1972 году в Северной Корее прошло пышное празднование 60-летия Ким Ир Сена, которое во многом стало поворотным моментом в истории культа Великого Вождя, — примерно с этого времени культ этот по своей интенсивности стал существенно превосходить советские и китайские прототипы. Незадолго до юбилея у кого-то из высокопоставленных чиновников появилась интересная идея: заставить всех жителей страны постоянно носить значки с изображением Солнца нации (много лет спустя авторство этой идеи приписали Ким Чен Иру). С ноября 1970 года началось массовое изготовление этих значков, и после 1972 года, когда вся страна широко отпраздновала 60-летний юбилей Великого Вождя, каждый взрослый северокореец уже не мог появиться на людях без лика Ким Ир Сена на груди.

До недавнего времени по достижении совершеннолетия все северокорейцы были обязаны надевать значок Ким Ир Сена всякий раз, когда выходили из дома. При этом дома носить значок было не обязательно — достаточно того, что портреты Вождя и Полководца имеются в каждой жилой комнате любого северокорейского дома. Пока не так давно в правилах ношения значков не были сделаны послабления, появление человека на улице без значка вело к тому, что этот проступок становился предметом обсуждения

на следующей сессии самокритики — не слишком приятная перспектива.

Носить значок полагается на левой стороне груди, как официально объясняется, «у сердца». Значки бывают разных форм и видов — всего существует около 20 различных типов, и не факт, что все они известны коллекционерам. Некоторые типы значков могут содержать важную информацию о его носителе. Например, на протяжении двух десятилетий, с начала 1990-х и до конца нулевых, самым престижным считался значок, на котором на фоне большого красного знамени были размещены портреты Ким Ир Сена и Ким Чен Ира. Такие значки изначально предназначались для партийных функционеров высокого ранга, и неожиданное появление человека с таким значком в те времена могло само по себе ввести многих мелких северокорейских бюрократов в ступор.

Были — а возможно, есть и сейчас — особые значки для сотрудников системы Госохраны (то есть госбезопасности) и некоторых других групп номенклатуры. Свои значки полагаются военнослужащим, членам Союза молодежи и т. д. Низовые партработники носят так называемый большой круглый значок, а северокорейские простолюдины имеют право только на «малый круглый значок». Впрочем, определить статус владельца, полагаясь только на значок, не всегда возможно, поскольку типичный северокореец может иметь несколько различных значков. Человек, который стал высокопоставленным чиновником, когда-то был студентом или солдатом, потом — мелким служащим, и у него с большой вероятностью остались значки с тех давних времен, которые он вполне может надеть и сейчас — например, на повседневную одежду. Тем не менее во многих случаях значки можно рассматривать как своеобразные знаки отличия, которые демонстрируют социальный статус носителя всем, кто разбирается в их типах.

Значки разработаны и изготовлены «Творческой группой Мансудэ». Это уникальное учреждение, художественная студия или, скорее, специализированный художественно-производственный комбинат, главная задача которого — производство скульптурных и живописных изображений Ким Ир Сена, Ким Чен Ира, Ким Чен Ына и членов их семьи. В КНДР только сотрудники этой студии имеют право создавать изображения вождей. Именно «Группой Мансудэ» разработаны и изготовлены все памятники членам Семьи Ким, все их портреты, все мозаичные панно, на которых изображены вожди.

После прихода в 2011 году к власти Ким Чен Ына внешний вид и правила ношения значков подверглись некоторому пересмотру. Во-первых, в широкий обиход вошли значки, на которых изображены оба предшествующих вождя — Ким Ир Сен и Ким Чен Ир. До этого похожие «двойные значки» существовали, но выдавались они, как я уже писал, только номенклатуре высокого уровня и были немалой редкостью. Во-вторых, по новой системе в обязательном порядке носить значки должны только члены Трудовой партии и Союза молодежи. Строго говоря, это послабление было сделано еще около 2004 года, но Ким Чен Ын его подтвердил. В-третьих, в соответствии с общим духом новых, более либеральных времен за ношением значков с 2013–2014 годов следят менее строго, чем прежде. В результате в последнее десятилетие на улицах Пхеньяна все чаще стали появляться люди без значков — в основном это явно беспартийные тетушки средних лет. Впрочем, в большинстве своем корейцы предпочитают не искушать судьбу и по-прежнему дисциплинированно надевают значок каждый раз, когда выходят из дома — по крайней мере, в том случае, когда идут на работу или посещают официальное мероприятие.

Любопытно, что без значка появляется на публике и Ли Соль-чжу, жена Ким Чен Ына. Неизвестно, имеет ли она на это формальное право (в том маловероятном случае, если она не является членом партии, то имеет), но с политической точки зрения такое поведение едва ли является разумным. Значок — это, по сути, религиозный символ, зримая клятва верности системе, и понятно, что появление первой леди на людях без значка вызывает у ее подданных некоторое недоумение — примерно такое же, какое вызвало бы в Испании XVII века появление на публике Ее Католического Величества Королевы без крестика на груди.

Наконец, временами без значка на груди появляется даже и сам Высший Руководитель Ким Чен Ын. В частности, когда он в 2016, 2018 и 2019 годах произносил свои новогодние речи, на нем был (хорошо сшитый) западный костюм без значка. Впрочем, в этом-то как раз ничего уникального нет: его отец Ким Чен Ир тоже время от времени появлялся на людях без значка — вождю это позволено.

Многие иностранцы, не понимающие почти мистического значения, придаваемого значку официальной идеологией Северной Кореи, пытаются приобрести его у своих северокорейских знакомых. До самого недавнего времени такие предложения отвергались, ведь значок — это символ верности стране и правящей династии, своего рода мини-икона, которая не подлежит продаже. Впрочем, в былые времена значки иногда дарили избранным иностранцам в знак признания их особых заслуг перед КНДР. В начале 2018 года стало известно, что иностранцам разрешили официально приобретать значки — но только в том случае, если они делали вклад в Фонд Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, штаб-квартира которого находится в Пхеньяне. Минимальный размер подношения, который дает право на получение значка, тогда составлял 100 евро.

Это не означает, однако, что значки невозможно продать или купить по более адекватным ценам — они регулярно появляются на международном коллекционном рынке, куда попадают контрабандой через Китай или каким-нибудь еще извилистым путем. Забавно, что предприимчивые китайцы даже наладили выпуск поддельных значков и активно продают их в качестве сувениров туристам, посещающим те районы Китая, что граничат с КНДР. С распространением в Северной Корее рыночных отношений, то есть с 1990-х годов, значки стало возможно приобрести за деньги и внутри страны. Как легко догадаться, дороже всего тогда стоили упомянутые выше «значки с партийным знаменем» с изображениями Ким Ир Сена и Ким Чен Ира — атрибут высших чиновников. В самом начале нулевых такой значок стоил не менее 5000 вон (25–30 долларов по тогдашнему обменному курсу), то есть от шести до двенадцати месячных зарплат. Некоторые другие «особые» значки тоже весьма недешевы. Но это понятно: к человеку с таким значком соотечественники будут относиться с глубочайшим почтением.

Некоторые молодые северокорейцы используют эти значки в качестве стильного аксессуара. Я помню, что в 1980-х годах среди корейской молодежи было модно закрепить значок на самом краю одежды.

Что в имени тебе?

Одна из черт, которые отличают культ личности Ким Ир Сена от других культов, — это его систематический и организованный характер. Культ личности Мао был если не стихийным, то спонтанным: местные партийные органы получали инструкции о том, что им следует провести мероприятия в честь того или иного деяния «великого кормчего»,

но конкретная организация тех или иных ритуалов во многом зависела от местной инициативы. В Северной Корее с конца 1960-х годов славить Ким Ир Сена разрешалось только по тщательно разработанным и доведенным до сведения всех, кого это касалось, нормам. Нормы эти, в частности, определяли и титулатуру Вождя. В более поздние времена в развитие и по образцу таких норм были разработаны похожие правила, регламентирующие то, как следует называть Ким Чен Ира, а потом и Ким Чен Ына. У Кимов были десятки титулов, но использование этих титулов подчинялось строгой и тщательно расписанной системе.

Самым популярным титулом Ким Ир Сена был Великий Вождь (*видэхан сурён*). Корейское слово *сурён* — вождь — имеет китайское происхождение и состоит из двух слогов-иероглифов, первый из которых означает «голова», а второй — «вести», «руководить». Этот термин вошел в употребление в конце 1940-х годов и первоначально применялся только к Сталину и Ленину, двум «великим вождям» коммунизма. Ким Ир Сена стали изредка именовать титулом *сурён* с начала 1950-х, но в те годы его обычно величали *сусан* («премьер-министр»), или *чангун* («генерал», «полководец»). Титул *сурён* оставался слишком высоким для использования «всуе»; его резервировали для особых случаев. Однако в 1960-е годы титул этот стал стандартным и был закреплен исключительно за Ким Ир Сенем. Обычно ему предшествовали префиксы *видэхан* («великий») или *обои* («отец», «отеческий»).

Как заметил Федор Тертицкий в своей статье, посвященной официальной северокорейской титулатуре, «титулы северокорейских руководителей условно делятся на краткий, полный и второстепенные. Краткий титул используется в качестве синонима, когда автору текста нужно просто упомянуть одного из Кимов. Полный — при первом упоминании

вождя в тексте. Один из второстепенных — чтобы придать предложению какую-либо эмоциональную окраску».

«Великий Вождь» или «Вождь-отец» стали двумя наиболее часто используемыми полными титулами первого правителя из Семьи Ким. Были и другие, порой весьма живописные — всего их насчитывалось несколько десятков. Самыми распространенными стали «Солнце нации» и «Непобедимый Полководец». В широком ходу был и эпитет «Солнце человечества».

В 1972 году Ким Ир Сен назначил себя на вновь учрежденный пост президента страны. Он назывался *чусок* — это корейзированное название должности, которую занимал Мао (по-китайски эта пара иероглифов читается как *чжуси*). С китайского это слово обычно переводят на русский как «председатель», в то время как в переводе с корейского этот титул по каким-то причинам превратился в «президента». Впрочем, по должности Ким Ир Сена именовали не так часто: обычно в северокорейской печати его называли «Вождь» или, если использовался основной титул, «Великий Вождь».

Восхождение его сына Ким Чен Ира к вершинам власти началось около 1970 года. Какое-то время будущего преемника загадочно величали «Центром Партии» (*тан чунан*). Потом, примерно до 1996 года, основным титулом Ким Чен Ира был *чидочжа*, то есть «Руководитель», а полным титулом — *чхинэханьин чидочжа*, или «Любимый Руководитель». Сейчас Ким Чен Ира называют либо «Полководец», либо «Великий Руководитель» (*видэхан рёндочжа*). После смерти президента Ким Ир Сена в 1994 году власть перешла к его сыну. По истечении трехлетнего траура северокорейцы были проинформированы о том, что пост Президента будет зарезервирован за Кимом Первым навечно. Ким Чен Ир стал главой государства, но не его президентом. Он занимал должность председателя Государственного комитета обороны,

и поэтому титул «Председатель Ким» иногда встречался в зарубежной прессе.

После окончания траура по отцу в 1997 году Ким Чен Ира по-прежнему иногда называли *чидочжа* («Руководитель»), но его основными титулами в качестве главы государства, то есть в период 1997–2011 годов, был *чангун*, то есть «Полководец», и, реже, *рёндочжа* («Руководитель»). Как помнят читатели, в конце 1940-х термин «Полководец» использовали для Ким Ир Сена, но к 1990-м Ким Ир Сена уже давно именовали только *Вождем (сурён)*, так что путаницы не возникало. Иногда *Вождем* называли и Ким Чен Ира, но в целом этот титул остается прерогативой его покойного отца. Поэтому любой северокореец, прочтя в газете про «*Вождя и Полководца*», тут же понимал, что речь идет о двух разных и вполне конкретных людях — Ким Ир Сене и Ким Чен Ире.

По неизвестным причинам Ким Чен Ир до последнего момента оттягивал решение вопроса о наследнике. Партийному аппарату его представили только в 2009 году, а открыто Ким Чен Ын появился на политической арене лишь осенью 2010 года, то есть за год с небольшим до внезапной смерти своего отца. Поначалу наследника именовали по спешно присвоенному ему воинскому званию генерала армии — *тэчжан*, а после прихода к власти стали называть *рёндочжа*, то есть *Руководителем*, а чаще — *чхвего рёндочжа*, то есть *Высшим Руководителем*, или *вонсу*, то есть *Маршалом*. Таким образом, официальная триада в самом распространенном виде выглядит так: *Великий Вождь*, *Любимый Полководец* и *Высший Руководитель*, хотя применительно к Ким Чен Ыну возможны вариации, а в случае с Ким Чен Иром прилагательное «*любимый*» часто опускается.

Если же говорить о неофициальных титулах, то тут для фантазии северокорейских журналистов открыт немалый простор. Ким Чен Ира, например, в разное время

в северокорейской печати именовали «Солнцем нации», «Вождем столетия», «Путеводной звездой XXI века», «Несравненным Руководителем», «Сияющим Солнцем Идей Чучхе». Нынешний правитель страны, кажется, меньше интересуется вопросами культа, но нет особых сомнений в том, что журналисты и пропагандисты и для него изобретут немало подходящих титулов.

Имена Бога земного

В июле 1997 года пять важнейших государственных и партийных учреждений Северной Кореи, включая ЦК ТПК и Кабинет министров, опубликовали совместную декларацию, в которой сообщили граду и миру, что в стране вводится новый календарь. 1912 год стал «Первым годом Эры Чучхе». Почему? Потому что в тот год на свет появился Ким Ир Сен. Иными словами, в официальном северокорейском календаре год рождения Ким Ир Сена пришел на смену году рождения Христа. Решение допускало использование западного христианского летоисчисления, но исключительно в случаях особой необходимости; при этом оно всегда должно было следовать официальному обозначению даты. Впрочем, вскоре стало ясно, что на практике от западного летоисчисления в КНДР не отказались: западные и «чучхейские» даты почти всегда используются параллельно. Таким образом, 2020 год является «109 годом Эры Чучхе».

Это, конечно, не первая в истории попытка порвать с прежним календарем. Во Франции 1790-х годов революционеры начали отсчитывать годы с момента провозглашения Республики. В 1950-х годах в Южной Корее правительство пыталось ввести так называемую Эру Тангуна, начинавшуюся в 2333 году до н. э. Ни одна из этих попыток

не продержалась более нескольких десятилетий, и вряд ли Эра Чучхе станет исключением.

Решение ввести Эру Чучхе было лишь одним из нескольких проявлений посмертного культа личности Ким Ир Сена как отца-основателя Северной Кореи. В Пхеньяне с большим пиететом относятся к его памяти. Возможно, именно ради этого, то есть для сохранения своей посмертной репутации, Ким Ир Сен и решил сделать своим наследником старшего сына и создать, таким образом, первую в мировой истории «коммунистическую монархию». Ким-старший мог опасаться того, что следующее поколение вождей отнесется к его памяти так же, как в Советском Союзе отнеслись к памяти Сталина. Будучи сыном своего отца, Ким Чен Ир был кровно заинтересован в сохранении его доброго имени. На это рассчитывал Ким Ир Сен, и его расчеты в целом оправдались.

После того как в 2011 году правителем страны стал Ким Чен Ын, внук Ким Ир Сена, посмертный культ основателя не претерпел особых изменений. Любопытно, что в первые годы возвышения Ким Чен Ына официальная пропаганда активно подчеркивала его внешнее сходство с дедом — действительно, очень заметное. За этим, как можно предположить, стояли не личные симпатии, а политический расчет: и Ким Чен Ын, и его советники знали, что Ким Ир Сена в народе уважают, в то время как Ким Чен Ир у многих жителей КНДР ассоциируется с катастрофическими поздними 1990-ми, временем голода и хаоса.

Ким Ир Сен остается единственным президентом страны — «вечным Президентом КНДР». Ким Чен Ир управлял страной не как президент, но как простой «председатель Государственного комитета обороны». Как легко можно догадаться, после своей смерти Ким Чен Ир стал «вечным Председателем Государственного комитета обороны», а его сын Ким Чен Ын теперь правит страной в качестве председателя

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru